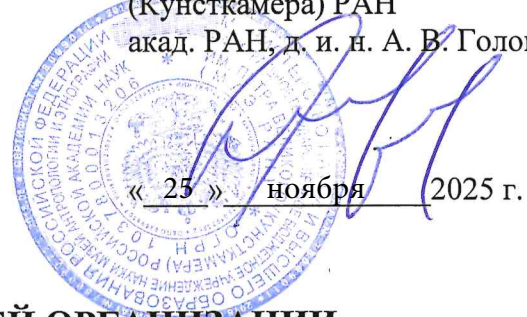

УТВЕРЖДАЮ

Директор Музея антропологии и
этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН

акад. РАН, д. и. н. А. В. Головнёв

« 25 » ноября 2025 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ФГБУН Музей антропологии и этнографии

им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

о диссертации Старостиной Аглаи Борисовны

«Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII–XIII веков»,

представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.4 — Фольклористика.

Диссертация А. Б. Старостиной посвящена мигрирующим сюжетам в китайской сюжетной прозе *сяошо* 小說 периодов Тан—Сун (VII—XIII вв.). Проза *сяошо* этого периода предоставляет богатый материал для исследований самых разных аспектов духовной и отчасти материальной жизни танского и сунского Китая. А. Б. Старостина обращается к рассказам об удивительном (*чжигуай сяошо* 志怪小說) и новеллам *чуаньци* 傳奇 как к источнику для изучения кросскультурных контактов в фольклоре, обнаруживая в них целый ряд сюжетов инокультурного (индийского, иранского, тюркского и др.) происхождения.

Сразу следует отметить, что с подобной точки зрения старую китайскую сюжетную прозу изучают нечасто, хотя известно: у многих *сяошо* этого и предшествующего времени — фольклорная основа. Сама проблема заимствований в фольклоре и литературе старого Китая также принадлежит к числу слабоизученных как в отечественной, так и в зарубежной науке. В этом свете исследование литературы и фольклора не может считаться полным без анализа кросскультурных контактов, и диссертационное исследование, которое обращается к проблеме фольклорной основы танской и сунской прозы, равно как и к роли инокультурных влияний на становление ее сюжетного фонда, представляется **актуальным** и обладающим существенной **научной новизной**.

Китайская устная фольклорная традиция в ее непосредственном живом хождении или в профессиональной записи до конца XIX в. нам принципиально недоступна, однако же ее можно изучать опосредованно: через любительские записи, подвергшиеся существенной литературной обработке, или же по косвенным свидетельствам, сохранившимся, например, в агиографических, историографических и географических памятниках и даже в авторской поэзии. Во многих случаях структурный анализ действительно позволяет достоверно выделить в указанных письменных памятниках фольклорные сюжеты. Среди таких сюжетов имеются и заимствованные из-за пределов Китая. Выявление и изучение подобных заимствований помогает понять спектр и природу межкультурных взаимодействий Китая с иными

странами и народами, а также прояснить пути, по которым шло распространение в пространстве и времени сюжетов, ставших кросскультурными.

Для выбранного А. Б. Старостиной периода китайской истории характерны многообразие и высокая интенсивность межкультурных связей, а также особенное внимание ученых и литераторов к «экзотическим» инокультурным верованиям и сюжетам, что увеличивает вероятность обнаружения в письменных памятниках этого времени заимствованных извне элементов.

Диссертация А. Б. Старостиной, использующая структурный анализ для исследования отраженных в китайской сюжетной прозе заимствований из фольклорной традиции, выполнена в русле компаративистики и традиций исторической поэтики. Цель диссертации — «выявить некоторые заимствованные сюжеты на материале средневековой китайской сюжетной прозы и реконструировать возможные пути их миграции» (с. 18). Здесь надо отметить, что А. Б. Старостина давно работает с китайской сюжетной прозой, ею были переведены и подготовлены к публикации четыре сборника, созданных с V по X вв.: «Ю мин лу» (幽明錄 «Записи о тьме и свете»), «Цзи шэнь лу» (稽神錄 «Записи об изучении духов»), «Сяо сянь лу» (瀟湘錄 «Записи [с берегов] Сяо и Сяна»), «Да тан ци ши цзи» (大唐奇事記 «Записки об удивительных событиях при Великой Тан»), а также несколько подборок рассказов об удивительном из разных сборников эпохи Тан. Изучение мифологических представлений, отраженных в этих и других текстах того же периода, а также повторяющихся в них мотивов и сюжетов, и привело А. Б. Старостину к формированию первоначальных гипотез о заимствованном характере некоторых сюжетов.

Для доказательства этих предположений диссертанткой был привлечен существенный объем дополнительных данных, для чего потребовалась обработка корпуса текстов сюжетной прозы с опорой на существующие указатели сюжетных типов в китайской фольклорной и литературной традиции, а также на соответствующую исследовательскую и справочную литературу. Когда и если гипотезе удавалось найти достаточное подкрепление (в диссертации речь идет только о нашедших такое подкрепление гипотезах, отбракованные варианты не рассматриваются), А. Б. Старостина устанавливала инвариант сюжета, после чего находила подобный по структуре и содержанию сюжет в инокультурных традициях. Затем в отобранных китайских текстах диссертантка определяла ключевые эпизоды и основных персонажей, а также проводила анализ мотивов. Результаты сравнивались с подборкой текстов из других литературных традиций, где имелись тот же фольклорный сюжет или его существенные элементы.

С помощью описанного работающего метода А. Б. Старостиной удалось понять, какими были трансформации сюжета в китайской традиции, какие персонажи и мотивы оказывались наиболее устойчивыми, а какие, напротив, легко выпадали из общей схемы. Следующим этапом исследования стало определение возможных причин, по которым китайская традиция принимала или отвергала те или иные детали сюжета. В тех случаях, когда сюжет оказывался известен в современном китайском фольклоре, А. Б. Старостина привлекала материал, записанный фольклористами КНР (проведя проверку по указателям и исследовательской литературе): мифологические рассказы, предания и сказки (что отражено в главах «Дочь мастера», «Белая змея» и «Гора с сокровищами»). Сведения же о времени и месте создания изучаемых прозаических произведений, а также об этнокультурном окружении их авторов вполне логично привели А. Б. Старостину к убедительным догадкам о путях миграции того или иного сюжета. Предложенный ею алгоритм исследования

демонстрирует эффективность и может быть рекомендован к дальнейшему использованию при изучении инокультурных заимствований в китайском литературном и фольклорном материале. Кроме того, полученные результаты могут использоваться при разработке курсов по истории китайского фольклора и литературы. В этом заключается **научная и практическая ценность** работы диссертантки. Диссертационное исследование А. Б. Старостиной вносит вклад в развитие сравнительной фольклористики, результаты данной работы без сомнений будут полезны для дальнейших исследований и в области механизма миграции сюжетов, и в области межкультурных контактов в целом. Работа представляет интерес не только для специалистов в области фольклористики, но также и для литературоведов и историков культуры в широком смысле.

Научная значимость работы А. Б. Старостиной заключается в первую очередь в том, что она вводит в оборот компаративистских исследований материалы сюжетной прозы *сяошо* эпох Тан–Сун и разрабатывает на литературном материале алгоритм для определения инокультурных заимствований фольклорных сюжетов. И здесь следует отметить, что хотя А. Б. Старостина в своей работе опирается главным образом на прозаические тексты танского и сунского времени, на деле она привлекает гораздо более широкий ранний материал, в том числе такие представительные собрания *чжигуай сяошо*, как «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записки о поисках духов», IV в.) и «Ю мин лу» (V в.). Незаменимую роль при подборе материала сыграли также тематически организованные своды-*лэйшу* X в. «Тай пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записи годов Тай-пин») и «Тай пин юй лань» (太平御覽 «Императорское обозрение годов Тай-пин»). Помимо собственно сюжетной прозы, в диссертационном исследовании использованы и релевантные фрагменты историографических и географических сочинений, а также поэтические произведения, созданные в разное время (самое раннее из последних — «Чу цы», 楚辭 «Чуские строфы»; самое позднее — стихотворение Су Ши 蘇軾, 1037—1101, написанное на сюжет городской легенды о случайной находке сокровища). Значительный объем использованного А. Б. Старостиной материала и продуманность его отбора, обеспечившие достаточную репрезентативность данных для рассматриваемого периода, подтверждают **научную достоверность** и обоснованность выносимых на защиту положений и выводов.

Структура диссертационного исследования А. Б. Старостиной продумана и логична: работа состоит из введения, шести глав, посвященных разным сюжетам, заключения, библиографии и приложений, где даны переводы избранных текстов новелл и рассказов, индекс мотивов по С. Томпсону и перечень девизов правления китайских императоров.

В Первой главе рассмотрена группа нарративов, родственная международному сюжетному типу «Крылья принца» (AaTh 575). Здесь привлекается преимущественно индийский сравнительный материал. А. Б. Старостина убедительно доказывает индийское происхождение рассматриваемых повествований, а также опровергает гипотезу о том, что индийский рассказ о ткаче и тележнике в «Панчатантре» имел китайский источник.

Вторая глава посвящена новеллам Пэй Сина (裴鉏 VIII в.) и Ду Гуан-тина (杜光庭 850?—933), по всей видимости, восходящим к одному и тому же источнику. А. Б. Старостина доказывает, что в обоих случаях мы имеем дело с ранней версией международного сюжетного типа «Спящая красавица» (AaTh 410), замечая,

что это первая фиксация данного сюжета в мировой письменной традиции, и отклоняет предположение о его индийском происхождении.

Рассказы о жертве при литье металла, разобранные в Третьей главе, родственны популярной на Балканах балладе «Замурованная жена». Это родство А. Б. Старостина демонстрирует с помощью двух танских текстов о строительной жертве, для которых предполагаются иранские устные источники. Второй компонент, который лег в основу этого сюжета, был почерпнут из мифологических представлений, бытовавших в регионе У–Юэ.

В Четвертой главе А. Б. Старостина последовательно анализирует историю сюжета о «Белой змее» и, следуя известному специалисту по китайской простонародной литературе Дин Най-туну (丁乃通 1915—1989), относит его к типу AaTh 411 («Король и ламия»). Большая часть главы посвящена сравнению того, как восходящие к одному и тому же типу повествования о демонической жене эволюционировали в Западной Европе и в Китае. Здесь А. Б. Старостина небезосновательно связывает процесс складывания сюжета о Белой змее в Китае с исламской диаспорой в г. Ханчжоу, предполагая, однако, возможные тюркские влияния на ранних этапах его становления.

В Пятой главе диссертационного сочинения речь идет о двух сюжетах, где одно из главных действующих лиц — колдунья. Один из этих сюжетов, условно обозначенный как «Ведьма летает на шабаш», известен в разных европейских фольклорных традициях сказочной прозы. Его происхождение до сих пор остается дискуссионным, и китайские источники, которые представляют собой его первую письменную фиксацию, могут пролить свет на данную проблему. Второй, обозначенный Дин Най-туном как «Путешественники превращаются в ослов», родственен типу AaTh 449 «Сиди Нуман». Его центральный эпизод связан с нетипичным для китайских фольклора и литературы злонамеренным превращением людей в животных. А. Б. Старостина приводит убедительные доводы в пользу его индийского происхождения.

Шестая глава рассматривает два этапа проникновения в Китай сюжета «Сезам, откройся» (AaTh 676). На первом этапе, до XI в. включительно, был известен лишь сюжет о пещере с сокровищами бессмертных, куда было можно попасть по акустическому сигналу (произнеся формулу, постучав в ворота или назвавшись). В современном китайском фольклоре распространены сказки, принадлежащие к типу AaTh 676, но они едва ли восходят к версиям X–XI вв.; точное время их появления неизвестно, а первая запись подобного нарратива относится уже ко второй половине XIX в.

А. Б. Старостина отмечает тот факт, что сюжеты «Дочь мастера», «Белая змея» и «Сезам, откройся» закрепились в китайском фольклоре и бытуют в живой устной традиции, претерпев при этом существенные изменения — при сохранении общей сюжетной схемы мифологические персонажи, отсутствующие в китайской картине мира, заменяются на местных, меняется мотивация героев и пр. Остальные рассмотренные сюжеты в указателях китайского фольклора отсутствуют, и фольклористы не фиксируют их хождения у ханьцев. А. Б. Старостина убедительно показывает, что нарративы на сюжет «Спящей красавицы» постепенно сливаются с более ранней китайской группой историй об оживающих девицах, жаждущих вступить в брак с живым мужчиной, а рассказы о колдуньях не прижились на китайской почве из-за непопулярности образа колдуньи в роли главного антагониста.

В итоге проделанного А. Б. Старостиной исследования — с помощью многоступенчатого метода работы с корпусами сюжетной прозы — удалось достичь нескольких целей: определить инокультурное происхождение ряда сюжетов, реализовавшихся в рассказах об удивительном и новеллах; рассмотреть истоки происхождения данных сюжетов; продемонстрировать особенности их трансформации в китайской традиции; ввести в оборот компаративистики малоизученные материалы. Кроме того, во всех случаях диссертантка проследила дальнейшую судьбу сюжетов инокультурного происхождения. Таким образом, те задачи, которые А. Б. Старостина ставила перед собой в диссертационном исследовании, решены безупречно и логично.

Богатая библиография вопроса (на китайском, русском, английском, немецком, французском, японском языках) и существенные по объему переводы, иллюстрирующие тематику диссертационного исследования, выгодно дополняют работу А. Б. Старостиной и свидетельствуют о ее широкой эрудиции и прекрасном владении материалом.

Конечно, для большей полноты картины хотелось бы увидеть разбор гипотез, которые не нашли подтверждения при применении разработанного автором метода, а также подробное обсуждение ограничений данного метода. Помимо прочего, в методологическом отношении было бы неплохо четко разделять нарративы, принадлежащие самим авторам рассматриваемых текстов (следует помнить, что существенная часть этих текстов восходит к слухам и преданиям, циркулирующим в среде образованных книжников; последние были пропущены через призму авторского восприятия и в процессе письменной обработки обрастали разнообразными художественными подробностями, подчас существенными и не так уж редко вымышленными — ввиду появления в этот период осознанного вымысла как художественного приема), — и нарративы, записанные *от* носителей, то есть простую фиксацию бытовавших в самой разной социальной и этнокультурной среде рассказов, ярким примером чего является широко известная коллекция прозы «И цзянь чжи» (夷堅志 «Записи И-цзяня») сунского Хун Мая (洪邁 1123—1202), не ставившего перед собой никаких художественных задач, но стремившегося записать как можно больше удивительных историй (ссылки на информаторов в его собрании встречаются постоянно). Что в данном случае является историческим фольклором, что авторской интерпретацией фольклорного сюжета, а что его художественной обработкой — вопрос неспральный и требующий значительной текстологической работы. Однако настоящие замечания ни в коей мере не умаляют значения диссертационного исследования А. Б. Старостиной, но, скорее, лишь могут послужить ориентирами в ее дальнейших научных изысканиях.

Диссертация А. Б. Старостиной — пионерское масштабное исследование процессов взаимодействия и взаимопроникновения фольклорных мотивов, бытовавших на китайской почве, которое сверх того раскрывает вопросы инокультурных заимствований и их адаптации в старой китайской прозе *сяошо*. Разработанный диссертанткой метод исследования заслуживает самого пристального внимания и дальнейшего применения как в отношении китайской литературной традиции, так и в применительно к изучению аналогичной проблематики в культурах других народов мира.

Данная диссертация прошла **апробацию** на международных и всероссийских конференциях и семинарах, а также на заседаниях отдела Китая Института востоковедения РАН и УНЦ типологии и семиотики фольклора РГГУ. Результаты ис-

следования отражены в 40 публикациях, в том числе в 17 статьях в рецензируемых научных журналах, в которых, по рекомендации ВАК, должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Среди прочего соискательницей выпущена монография «Бродячие сюжеты в китайской средневековой прозе» (М., 2024).

Автореферат и публикации автора полностью соответствуют основному содержанию диссертации.

На основании всего вышесказанного мы заключаем, что диссертационное исследование Аглаи Борисовны Старостиной соответствует всем требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, а его автор определенно заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4 — Фольклористика.

Настоящий отзыв принят на заседании Отдела этнографии народов Восточной и Юго-Восточной Азии ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, протокол № 5 от 24 ноября 2025 г.

Заведующий Отделом этнографии
народов Восточной и Юго-Восточной Азии
д. и. н. И. А. Алимов

ФГБУН
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА) РАН

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3
Тел. (812) 328-08-12, факс: (812) 328-08-11
info@kunstkamera.ru www.kunstkamera.ru
ОКПО 02698507, ОГРН 1037800013206
ИНН 7801023852, КПП 780101001

Председателю диссертационного
совета 24.1.080.02 по
филологическим наукам при
ФГБУН «Институт мировой
литературы им. А.М. Горького
РАН»
доктору филологических наук
Кляусу В.Л.

«25» ноября 2025 № 14.10-14586/821

На № _____ от «___» _____ 202__

Уважаемый Владимир Леонидович!

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН дает согласие выступить в качестве ведущей организации по диссертации Старостиной Аглаи Борисовны «Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII – XIII веков» на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.2. «Фольклористика» и предоставить отзыв на данную работу в диссертационный совет 24.1.080.01 в установленном порядке.

Директор МАЭ РАН
акад. РАН, д.и.н.

М.П.

А.В. Головнев

СВЕДЕНИЯ

о ведущей организации по диссертации Старостиной Аглаи Борисовны
«Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII – XIII веков»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.4 – Фольклористика

Полное наименование организации	ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Сокращенное наименование организации	МАЭ РАН
Ведомственная принадлежность	Министерство науки и образования РФ
Почтовый индекс, адрес организации	199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская над., д. 3
Телефон	(812) 328 08 12
Адрес электронной почты	info@kunstkamera .ru
Веб-сайт	kunstkamera .ru
Публикации сотрудников организации:	
Березкин Ю.Е. Границы и контакты: модели распределения фольклорно-мифологических мотивов в Евразии // Этнография. 2021. № 3 (13).	
Алимов И.А. Облачный кабинет: Краткая история китайской прозы сяошо об удивительном X—XIII вв. СПб., 2021.	
Березкин Ю.Е. Сисиутль // Кунсткамера. 2022. № 3 (17).	
Степанова О. Б. Образ собаки в мировоззрении селькупов // Кунсткамера. 2023. № 1(19).	
Vasilkov Ya. The Peacock as the Bird of Paradise: A Comparative Study // Этнография. 2023. № 2 (20).	
Громов Д. В. Намогильные камни и их мифо-ритуальное осмысление в Восточном Подмосковье // Этнография. 2023. № 4 (22).	
Синицын А. Ю., Габитова А. И. О традиционном японском календарном празднике «День Косин», связанных с ним ритуалах, атрибутах и божествах // Этнография. 2023. № 4 (22).	
Березкин Ю.Е. Волшебная жена: варианты мотива в контексте древнейшей истории // 2024. № 2 (24).	
Дувакин Е. Н. Ласточка и змея: абазинская мифология в мировом контексте // Кунсткамера. 2025. № 1 (27).	

Альбедиль М. Ф. Гималайский йети: реальное существо или вымышленный персонаж? // Кунсткамера. 2025. № 3 (29).

Лемешкина К. В. Змеи и львы в королевстве сикхов // Кунсткамера. 2025. № 3 (29).

Директор МАЭ РАН
акад. РАН, д.и.н.

А.В. Головнев